

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2023. № 6 (102).
Political Linguistics. 2023. No 6 (102).

УДК 821.161.1-31(Филимонов А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,44

ГРНТИ 17.07.29;16.21.33

Код ВАК 5.9.8; 5.9.1

Ольга Юрьевна Багдасарян

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, obagdasar@gmail.com, SPIN-код: 9176-2671

«Трактор, катафалк и молоковоз»: интерпретация образа деревни в современной отечественной прозе

АННОТАЦИЯ. В современной отечественной прозе появился целый ряд текстов, радикально пересоздающих «деревенскую прозу». Среди них — «Южнорусское Овчарово» Л. Белоиван, «Головастик и святые» А. Филимонова, «Люди Черного дракона» А. Винокурова и др. В этих произведениях в диалоге реалистической эстетики и сказочно-мифологического начала создается образ глухой деревни, местного захолустья («небыландии»).

В статье рассматривается образ деревни в романе А. Филимонова «Головастик и святые» (2016). Обращаясь к топосу деревни, роман одновременно и напоминает о деревенской прозе, и отдалается от нее. Филимонов сохраняет установку на описание деревенского пространства как особого/обособленного, однако превращает его в литературное воображаемое, в котором осели и знаки истории, и литературные сюжеты, и ироническая рефлексия по поводу вечных сетований об умирании деревни, и предостережения о ней как о заповедном уголке, причудливо соединяющем отгороженность от большого мира и связь с ним.

Апеллируя к сюжету смерти деревни, разрушения привычного уклада, хорошо знакомому читателям по деревенской прозе, автор переосмысляет его в металитературном ключе и переносит внимание на соотношение реального и воображаемого. Характер повествования в романе приводит к ослаблению миметических установок и усилению «творческого хронотопа».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература, современная литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты, литературные образы, образ деревни, деревня, метапроза, творческий хронотоп, романы, деревенская проза.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Багдасарян Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Багдасарян, О. Ю. «Трактор, катафалк и молоковоз»: интерпретация образа деревни в современной отечественной прозе / О. Ю. Багдасарян. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6 (102). — С. 149-154.

Ol'ga Yu. Bagdasaryan

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, obagdasar@gmail.com, SPIN: 9176-2671

“Tractor, Hearse and Milk Tanker”: Interpretation of the Village Image in Modern Russian Prose

ABSTRACT. Recently, a number of texts emerged in the contemporary Russian prose, which recreate the so-called “village prose”. Among them are “South Russian Ovcharovo” by Laura Beloivan, “The Polliwog and the Saints” by Andrei Filimonov, “The Black Dragon People” by Alexey Vinokurov, etc. These works, through the means of a dialogue between realistic aesthetics and fairy tale mythological existence, create the image of a local outback (“nowhere land”).

The article analyzes the image of the village in Andrei Filimonov's novel “The Polliwog and the Saints” (2016). Dealing with the village topos, the novel both reminds about the village prose and at the same time distances itself from it. Filimonov remains true to the purpose of describing the village space as a special/isolated one, but transforms it into an imaginary literary place, which embodies both the signs of history, literary plots, and ironical reflection of the eternal grumbling about the village decay and the perception of the village as a sanctuary that incredibly combines the separation from the big world and a close connection with it.

Appealing to the village demise and disintegration of the usual way of life plot (a well known plot for the reader of the village prose) the author rethinks it in a metaliterary way and shifts the readers' attention to the relationship between the reality and the world of imagination. The novel narration character leads to the weakening of the mimetic patterns and, at the same time, to the strengthening of “the artistic chronotope”.

KEYWORDS: Russian literature, modern literature, Russian writers, literary creative activity, literary genres, literary plots, literary images, village image, village, metaprose, artistic chronotope, novels, village prose.

AUTHOR'S INFORMATION: Bagdasaryan Ol'ga Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Bagdasaryan O. Yu.* (2023). “Tractor, Hearse and Milk Tanker”: Interpretation of the Village Image in Modern Russian Prose. In *Political Linguistics*. No 6 (102), pp. 149-154. (In Russ.).

В отечественной прозе за последнее десятилетие появился целый ряд текстов, которые, обращаясь к теме деревни, своеобразно переосмысливают сложившуюся в русской литературе XX века неопочвенническую традицию. Среди современных авторов, радикально пересоздающих «деревенскую прозу», — Лора Белоиван с «Южнорусским Овчарово» (2012), А. Филимонов с его «Головастиком и святыми» (2016), А. Винокуров с «Людьми Черного дракона» (2016) и др.

Тексты названных авторов и издатели, и критики зачастую именуют «магическим реализмом», имея в виду, что русская провинция с узнаваемыми шукшинско-беловскими декорациями в этих произведениях становится «пространством чудес и превращений» [Литературная премия «Новые Горизонты» 2018]. В диалоге реалистической эстетики и сказочно-мифологического начала создается образ глухой деревни, местного захолустья («небыландии»). Так, в книге Л. Белоиван речь идет о Южнорусском Овчарове — деревне в 70 км от Владивостока, хотя «большинство горожан уверено, что она черт знает где», Алексей Винокуров в «Людах Черного Дракона» пишет о жизни села Бывалого, находящегося в Приамурье, Андрей Филимонов — о сибирской деревне с говорящим названием «Бездорожная». Топос деревни получает в этих текстах определенный набор сюжетов и мотивов. Остановимся подробнее на книге А. Филимонова «Головастик и святые» и рассмотрим авторскую интерпретацию деревенской темы.

Андрей Филимонов — прозаик, поэт, журналист, автор романа «Рецепты сотворения мира», сборника «Выхожу один ја на дорогу», организатор международного передвижного фестиваля поэзии «ПлясНигде» («PlaseNigde»). Долгое время жил в Сибири, работал журналистом на томском телевидении. Книга «Головастик и святые» появилась в 2016 году и вошла в шорт-листы премий «Национальный бестселлер» и «Нос».

Главный герой повести А. Филимонова — Головастик, глава маленькой сибирской деревни под названием «Бездорожная», бывший милиционер, сосланный в глушь за излишнюю любовь к справедливости. После решения властей о ликвидации деревни Головастик вдохновляет односельчан жить самими по себе, что жители Бездорожной с успехом и делают. Собственно, основной

сюжет книги и составляет жизнь (и формальная смерть) деревни Бездорожной, однако эта линия то и дело осложняется — биографиями жителей, историей путешествия Головастика в самоедскую деревню, приездом польского журналиста по имени Адам Мария, помогающего настоятелю униатской церкви в Галиции найти в этих краях прах двух польских монашек, замученных НКВД, и т. д. Ощущение мозаичности сюжета усиливается и повествовательной логикой книги: речь о деревне Бездорожная ведут то безличный повествователь (в «исторической» преамбуле), то Головастик, то его жена Кочерыжка, в последней части включается еще один субъект — тот самый журналист Мария, удивлено и заинтересованно наблюдающий за местными нравами.

Повествование начинается с 7109 года, с истории братьев Некраса и Немила, решивших нажиться на богатствах самоедов и в итоге основавших в здешних местах деревню. Однако к Бездорожной, когда-то поставленной братьями на тракте, теперь уже не ведут никакие дороги. Если в столыпинские времена к ней еще пролегла конная тропа, то после Гражданской войны деревня почти «перестала сношаться с внешним миром» (238)¹. Правда, в период Олимпиады в окрестностях появился указатель «Бездорожная 5 км», однако обозначенная длина пути не имела никакого отношения к реальности. Через десятилетие в сельский магазин перестали завозить продукты, а еще через некоторое время деревню вообще отменили.

Отгороженное от «большой земли» пространство деревни обнаруживает собственную жизненную логику: «...никаких улиц в Бездорожной нет. Избы, как грибы, раскиданы по холмам, по оврагам... Будто бы их не строили, а они сами выросли, где захотели. То есть полное ощущение, что живые. Подходишь к дому, а он на тебя смотрит. Хочется поздороваться» (250). Местный лес только для посторонних выглядит глухим и непроглядным, для местных жителей он «разговаривает», в нем свои ориентиры и свои дороги: «У нас в лесу не заблудишься. Просто иди к северу и обязательно попадешь на дорогу. Прямее всего, если у тебя слева будут Рукибога, а справа Царская могила. Но там жутковато» (260).

Затерянность деревни в огромном пространстве, ее труднодоступность для непо-

¹ Здесь и далее текст романа цитируется с указанием страницы в скобках по изданию: Филимонов А. В. Пляс Нигде. Головастик и святые : романы. — Москва : АСТ, 2022.

священных приобретает в книге отчетливый мифологический ореол: происходящее с жителями отсылает то к библейским сюжетам, то к верованиям самоедов, то к славянским мифам и сказкам. Головастик, отправившись в стан врагов (соседнее село) и заплутавший в окрестном лесу, впадает, как былинный богатырь перед боем, в длительную спячку; местные жители, как выясняется, молятся старым богам (хотя не отрицают, например, и прелести сотовой связи или японской техники); первая встреча Головастика с мужиками из деревни превращается в сюжет кормления бога Нуна, в процессе которого новый глава деревни прозревает в своих спутниках, «лучших людях села», настоящих шаманов.

История и современность в Бездорожной примиренно сосуществуют, просвечивают друг через друга. Несмотря на то, что приметы исторического времени то и дело возникают в сюжете (войны, репрессии, лагеря, Олимпиада, 1990-е, выборы, 2014 год, имена исторических деятелей и современных политиков), «бездорожное» время течет по своему и отношения с историей у этого пространства тоже особые. Деревня как будто помогает своим жителям «дезертировать» из больших исторических событий. Лучший пример тому — биография деда Героя, который сбегал с каждой новой войны, но чья грудь была увешана подкинутыми речкой Кыкыкой медалями: «...за Крымскую войну, за Турецкую, Георгий солдатский, Красная звезда» (245). Молодой Мафусаил, мальчиком отправленный на поселение в Сибирь, счастливо избегает участия в кровавой истории страны: проспав несколько десятилетий, «он проснулся ..., укрытый бородой, как одеялом. Во дворе играли его дети. Жена принесла чистую рубашку и газету, где имя Сталина не упоминалось совсем» (273). Эту незаинтересованность деревни настоящим, оторванность от него наиболее точно характеризует Адам Мария, отвечая словом «века» на вопрос жены о разнице во времени между Вроцлавом и Бездорожной.

Отношения с историей и с властью, которая эту историю вершит, — отдельный мотив книги. Новости с большой земли обычно не обещают деревенским ничего хорошего, инициативы власти вызывают настороженность, а она сама — едкую иронию. Так, главу района жители именуют «Два Аппендицита», потому что, скрываясь от гнева губернатора, тот лег в больницу, чтобы вырезать аппендицит (прооперированный еще в начальной школе). Дистанцируясь от всего официального, Головастик, который прислан в деревню как представитель власти, выби-

рает для себя уничижительное прозвище «головастик» (от «глава»). Сам он себя властью не считает и по отношению к другим местным управленцам выступает одновременно и как наивный дурак, и как карнавальный шут. Серьезности и фальши официальной власти Головастик противопоставляет то простодушное непонимание (например, борется с произволом властей, наивно отсылая письма в разные инстанции и в газеты), то пародийные издевки шута («Вы, может быть, интересуетесь, почему я мужика с яйцами в женском роде употребляю? У меня так язык поворачивается. Он ж не человек, а власть» (237)).

Логика его поведения отвечает общей атмосфере Бездорожной, в которой люди «живут весело» и где царит действительно карнавальная свобода — со свойственной ей всеохватностью, фамильярностью, антииерархичностью, переносом высокого и официального в плоскость материально-телесного низа [Бахтин 1990: 9–18]. Описывая жизнь в деревне, и Головастик, и Кочерыжка подчеркивают сексуальную свободу местных, неприличное поведение, удивительное сочетание мудрости и глупости. Всем этим признакам «карнавальности» сопутствует и амбивалентный статус деревни, которая одновременно жива и в то же время как бы мертва. Странность Бездорожной обыгрывается в сцене появления перед гостями необычного транспорта, на котором передвигаются жители близлежащих деревень. Адам Мария характеризует его как синтез «трактора, катафалка и молоковоза». Образ этот легко воспринять как метафору деревенской жизни, в которую уже «вшита смерть» как неизменная ее составляющая.

Действительно, смертельный код — ключевой при описании жизни Бездорожной. Уже история основания деревни Некрасом и Немилом осенена и многочисленными убийствами местного населения, и братоубийством. Жители современной Бездорожной (задолго до ее официальной ликвидации) имели репутацию «ходячих мертвяков, оставшихся после ядерного взрыва на секретном полигоне» (256), а свою официально объявленную смерть Бездорожная только сначала воспринимает с некоторым драматизмом — в дальнейшем становится ясно, что это к лучшему. Деревня соглашается объявить себя «умершей», при этом жители продолжают жить как раньше, только без всякого давления со стороны власти.

Именно смертью скреплена история деревни и смертью связаны с этим местом жители. Так, Молодой Мафусаил, отправленный как сын врагов народа на «остров лю-

доедов», доплывает до Бездорожной, держась за труп («Если мертвый спасет живого, это будет очень хорошо» (271)), а потом «выменивает» у смерти одну новую жизнь на две старых: «Утром хозяйка нашла на полу холодных сестер. Как птички они лежали. Мальчик крепко спал на лавке под иконой, на которую смотреть можно только через тертый калач, испеченный в четверг на Страстной неделе» (272). В финале романа «самым оживленным местом» (360) оказывается кладбище: Адам Мария и польский священник выкапывают мощи монашек (тех самых сестер), местные хоронят Кончаловского, погибшего в бою с пудинцами, а Головастик и Кочерыжка ведут разговор о богах и о смерти, в процессе которого у Кочерыжки в голове происходит «непорочное зачатие божественного летчика» (364).

Характерно, что сюжетные мотивы смерти, боли и утраты были принципиально важными элементом в поэтике деревенской прозы [Цветова 2011; Разувалова 2015], настойчиво телеграфирующей о смерти русской деревни, умирании традиционного уклада, уходящем крестьянском мире. Однако реализация мотива умирания в романе А. Филимонова (как, впрочем, и в произведениях А. Винокурова и Л. Белоиван [см.: Багдасарян 2020]) скорее иронически переосмысляет эту идею. В романе «Головастик и святые» образ смерти получает дополнительные коннотации: смерть здесь обозначает и неотличимость от ландшафта, невидимость, которая зачастую становится основой и залогом выживания. Бездорожная выглядит как деревня-призрак, фантом, даже с некоторым удовольствием поддерживающий свой статус «отсутствующей». К образу смерти-укрытия отсылает и эпиграф романа — цитата из фильма М. Антониони «Профессия: репортер» (оригинальное название: «The passenger»). В кинокартине герой, пользуясь случайным стечением обстоятельств, присваивает себе имя покойного мужчины, таким образом освобождаясь от собственной личности, жизни, обязательств: «Это вышло случайно. Все думали, что я мертв, и я не стал их разубеждать» (229).

Итак, деревня Бездорожная в романе Филимонова — локус вполне конкретный и одновременно очень размытый. История возникновения деревни, ее местоположение, привязка к административному району, описания ее истории и уклада как будто прописывают деревню в реальности («миметический хронотоп»), в то время как ее труднодоступность, обособленность, антииерархичность жизни, призрачность существования (не жива, но и не мертва) создают ощу-

щение особого пространства, скорее вымышленного, чем реального. Проблематизирует статус изображаемого и поэтика романа, способствующая переносу акцента «с целостного образа мира, создаваемого текстом, на процесс конструирования этого образа» [Липовецкий 1997: 46].

В романе очень живое и очень разнородное повествование: маленькие главы задают быстрый темп чтения, а частая смена субъектов речи создает ощущение фрагментарности. Сказовое слово Головастика, Кочерыжки яркое, индивидуальное — и очень свободное. Так, речь Головастика на равных правах включает в себя самые разные лексические слои: и литературное слово, и блатное, и «самоедское», и многочисленные исторические и литературные аллюзии. Головастик подчеркивает, что деревня живет «весело» — и выстраивать свой рассказ намерен так же, сознательно дистанцируясь от строгости и регламентированности властного/официального нарратива («а что рассказываю беспорядочно, — говорит Головастик, — так по порядку опер дело шьет»). В финале романа скачкообразность, разрозненность повествования получает еще одно объяснение, но уже от другого рассказчика, Адама Марии: «...жизнь сопротивляется попыткам о ней рассказать» (368).

Необходимо отметить, что Головастик и Адам Мария — два центральных самосознующих рассказчика, «авторы-герои», которых можно рассматривать как своеобразные персонификации «внеаходимого автора-творца» (М. Бахтин). С ними связан металитературный характер повествования, однако они не единственные персонажи книги, размышляющие о том, как именно следует говорить/рассказывать. Так, дед Герой пишет (и рисует) самоедскую Камасутру, а в процессе обольщения очередной дамы обязательно переходит с прозы на стихи. В главе «Бездорожная. Алфавит» Трактор и Седьмой сидят на кухне и, прислушиваясь к дождю, «спорят, что падает с неба — буквы или слова». Здесь природное описано как язык, своего рода письмо; снег, покрывающий землю, «пишет историю мира наоборот» (то есть превращает географическое пространство в белую страницу), а Трактор и Семен выглядят как боги, придумывающие для этого мира алфавит (273–275).

Вообще тесная связь с письмом, рассказыванием, литературой подчеркивается в книге на разных уровнях — от речевого до сюжетного. Уже названия глав романа («Остановка в пустыне», «Кругом возможно бог», «Ночной полет» и т. д.) вписывают историю села в литературный контекст, проецируют

происходящее — зачастую пародийно — на литературные образы и модели. Кочерыжка, рассказывающая о своей мести милиционеру — обидчику Головастика, напоминает о Маргарите, громящей дом критика Латунского; история поэта, сосланного в Сибирь и квартировавшего в доме Седьмого, заставляет вспомнить о ссылке И. Бродского. Молодой Мафусаил — деревенский мужик непонятно возраста — одним своим именем отсылает к библейскому праотцу-долгожителю. Да и Головастик, пытаюсь «спасти» деревню, действует по гоголевской матрице, только вывернутой наизнанку. Если в поэме Гоголя Чичиков полагал «приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые» [Гоголь 1984: 32], то афера Головастика заключается в том, чтобы живая деревня значилась бы «по ревизии» мертвой. При этом литературность своей схемы Головастик в полной мере осознает: «...прикинемся переехавшими, а сами останемся. Будем, говорит, жить, как завещал писатель Гоголь. Объяснил, собака начитанная, что в России по-прежнему дают живые деньги за мертвые души» (304).

Отметим также постоянные попытки Головастика реконструировать и «пересоздавать» события с помощью нарративов о них: например, именно он настаивает на встрече с бабой Зоей и дедом Дмитро — чтобы отец Роман услышал, как историческая трагедия может превратиться «в любовь на всю жизнь»; чтобы утешить Кочерыжку, он придумывает новые ипостаси жителям деревни: Трактор оказывается богом Техники, дед Герой — любовником реки, Любка из Смолокуровки — богиней плодородия, Седьмой — богом фантазии, а сам Головастик — богом вранья (363). При этом важно, что образы персонажей — жителей Бездорожной в рассказах Головастика и так крайне размыты, поскольку имеют сразу несколько проекций. Вот как пишет об этом Наталья Мелехина в своей рецензии на книгу: «В то же время используются расхожие типажи книг и фильмов о деревне: «чудик, строящий самолет» (Кончаловский), «разбитная девица» (Любка), «местный Кулибин» (Трактор), «парни-насмешники», или «студенты на каникулах» (трое юношей-студентов, которых повстречал Мария Адам), «счастливые дед и бабка» (баба Зоя и дед Дмитро). На пересечении трех ипостасей «гопота — божественность — типаж» и появляется собирательный образ „божественной гопоты“» [Мелехина 2017].

Призрачность деревенского хронотопа подчеркивается трипами персонажей — Адама Марии и Головастика. Каждый из них при знакомстве со здешними местами пере-

живает в какой-то момент опыт погружения в пустоту: Головастик — во время путешествия в самоедское поселение (его рассказ как будто отсылает к путешествиям между мирами пелевинского Петра Пустоты), Адам Мария — во время приезда в Смолокуровку. Выпив водки, Мария пытается разглядеть пространство, в котором оказался: «Я повернулся спиной к насмешнику, думая идти обратно на свой алкогольный пост у полынной стены, и обнаружил вокруг незнакомое пространство непонятно размера. Возможно, даже совсем без размера, потому что в нем не было ничего годного для сравнения, ни одной обычной вещи... Темнота бездн была космического замеса, а кроме того, в ней зияли черные дыры. Но это невозможно описать. И никаких звуков. Просто зеро саунд левел. Сила тяжести отсутствовала, как будто ноги увязли в пустоте» (319–320).

Металитературный характер книги окончательно обнажается в финальном эпизоде, который может быть прочитан как автометаописание: «Головастик поманил меня пальцем. Я наклонился к нему через стол. Он сказал, глядя мне прямо в глаза:

— Я вот что, Мария. Ты, когда вернешься, будешь книжку писать, так? <...> Вы все, кто к нам добираетесь, потом книжки пишете. Только сделай, я прошу, чтобы не было шибко грустно. Ну знаешь, люди думают: деревня — это ужас, ужас. А ты возьми и выкрути как-нибудь повеселее, типа „а жизнь продолжается“. Не надо всяких наших баек из склепа. Кто тебе поверит? Скажут, бред наркомана.

— Обязательно скажут. И не поверят. Но читать будут с удовольствием.

— Да? Ну ладно. Тебе виднее...» (366).

Все эти приемы (тематизация процесса творчества, разного рода метатекстовые комментарии, включение образов героев-«сочинителей», вовлеченность в творчество прочих персонажей, внимание к языку, сюжетные и языковые отсылки к литературным текстам и т. д.) приводят к «ослаблению миметических мотивировок и усилению „творческого хронотопа“, который приобретает положение, равноправное по отношению к окружающим его „реальным хронотопам“» [Липовецкий 1997: 46]. Деревня выглядит как плод художественного воображения, конструкт, отсылающий не к реальности, а к литературе. Образ деревни становится метафорой неисследованного, неизвестного — это «космическая» пустота, которая одновременно является и укрытием от истории / реальности, и источником жизненной и творческой свободы.

Подводя итоги, отметим, что роман Филимонова, обращаясь к топосу деревни, од-

новременно и напоминает о деревенской прозе, и дистанцируется от нее. Создавая образ деревни, Филимонов сохраняет установку на описание ее как пространства особого/обособленного, однако превращает деревню в литературное воображаемое, в котором осели и знаки истории, и литературные сюжеты, и ироническая рефлексия по поводу представлений о ней как заповедном / сказочном уголке, причудливо соединяющем отгороженность от большого мира и связь с ним. Апеллируя к сюжету смерти деревни, разрушения привычного уклада, хорошо знакомому читателям по деревенской прозе, автор переосмысляет его в металитературном ключе и, перенося внимание на соотношение реального и воображаемого, проблематизирует отношения между фикциональным миром и внетекстовой действительностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Багдасарян, О. Ю. Деревня как «творческий хронотоп» современной прозы («Южнорусское Овчарово») Л. Белоиван / О. Ю. Багдасарян. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. — 2020. — № 1. — С. 161–172.
- Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с. — Текст : непосредственный.
- Богуславская, О. Литература за пределами премий / О. Богуславская. — Текст : электронный // Знамя. — 2017. — № 1. — URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2017/1/literatura-za-predelami-premij.html>.
- Гоголь, Н. В. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5 / Н. В. Гоголь. — Москва : Правда, 1984. — 319 с. — Текст : непосредственный.
- Григорян, А. Недостоверность мифа / А. Григорян. — Текст : электронный // Новый Мир — 2018. — № 3. — URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_3/Content/Publication6_6867/Default.aspx.
- Ковтун, Н. В. Деревенская проза в зеркале утопии / Н. В. Ковтун. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. — 494 с. — Текст : непосредственный.
- Липовецкий, М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) : моногр. / М. Н. Липовецкий. — Екатеринбург : [б. и.], 1997. — 317 с. — Текст : непосредственный.
- Литературная премия «Новые Горизонты». Лора Белоиван «Южнорусское Овчарово». — URL: <http://newhorizonsf.ru/y2018/southpark/> (дата обращения: 27.09.2023). — Текст : электронный.
- Мелехина, Н. Божественная гопота (Андрей Филимонов. Головастик и святые) / Н. Мелехина. — Текст : электронный // Октябрь. — 2017. — № 5. — URL: <https://magazines.gorky.media/october/2017/5/bozhestvennaya-gopota.html>.
- Мирошниченко, О. С. Поэтика современной метапрозы: на материале романов А. Битова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мирошниченко О. С. — Москва, 2001. — 25 с. — Текст : непосредственный.
- Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. — Москва : Издательство Кулагиной : Intrada, 2008. — 358 с. — Текст : непосредственный.
- Разувалова, А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов / А. Разувалова. — Москва : НЛЮ, 2015. — 612 с. — Текст : непосредственный.
- Сегал, Д. М. Литература как охранный грамота / Д. М. Сегал. — Москва : Водолей Publishers, 2006. — 974 с. — Текст : непосредственный.
- Цветова, Н. С. Эсхатологическая топика в русской традиционной прозе второй половины XX — начала XXI вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Цветова Н. С. — Архангельск, 2011. — 47 с. — Текст : непосредственный.
- Черняк, М. А. Метапрозаические стратегии в современной прозе / М. А. Черняк, М. А. Саргсян. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2020. — Т. 12, вып. 2. — С. 130–138.

REFERENCES

- Bagdasaryan, O.Yu. (2020). *Derevnya kak «tvorcheskij khronotop» sovremennoj prozy («Yuzhnorusskoe Ovcharovo»)* L. Beloivan [The village as a “creative chronotope” of modern prose (“South Russian Ovcharovo” by L. Beloivan)]. *Ural'skiy filologicheskij vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*, 1, 161–172. (In Russ.)
- Bahtin, M.M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Rabelais and His World]. Moscow: Hud. lit, 543 p. (In Russ.)
- Boguslavskaya, O. (2017). *Literatura za predelami premij* [Literature outside of awards]. In *Znamya*, 1. Retrieved from: <https://magazines.gorky.media/znamia/2017/1/literatura-za-predelami-premij.html> (In Russ.)
- Gogol', N.V. (1984). *Sobranie sochinenij* [Collected works] (in 8 volumes, Vol. 5). Moscow: Pravda, 319 p. (In Russ.)
- Grigoryan, A. (2018). *Nedostovernost' mifa* [The unreliability of the myth]. *Novyj Mir*, 3. Retrieved from http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_3/Content/Publication6_6867/Default.aspx (In Russ.)
- Kovtun, N.V. (2009). *Derevenskaya proza v zerkale utopia* [Village prose in the mirror of utopia]. Novosibirsk: SO RAN, 494 p. (In Russ.)
- Lipoveckij, M.N. (1997). *Russkij postmodernizm. (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian postmodernism. Essays on Historical Poetics]. Ekaterinburg, 317 p. (In Russ.)
- Literaturnaya premiya «Novye Gorizonty»*. Lora Beloivan «Yuzhnorusskoe Ovcharovo» [New Horizons Literary Award. Laura Beloivan “South Russian Ovcharovo”]. Retrieved September 27, 2023, from <http://newhorizonsf.ru/y2018/southpark/> (In Russ.)
- Melekhina, N. (2017). *Bozhestvennaya gopota (Andrej Filimonov. Golovastik i svyatyje)* [Divine bastards (Andrej Filimonov. Golovastik and Saints)]. *Oktjabr'*, 5. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/october/2017/5/bozhestvennaya-gopota.html> (In Russ.)
- Miroshnichenko, O.S. (2001). *Poetika sovremennoj meta-prozy: na materiale romanov A. Bitova* [Poetics of modern meta-fiction: on the material of A. Bitov's novels] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Moscow, 25 p. (In Russ.)
- Tamarchenko, N.D. (ed.) (2008). *Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij* [Poetics: dictionary of terms and concepts]. Moscow, 358 p. (In Russ.)
- Razuvalova, A. (2015). *Pisatel'i-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-h godov* [Village writers: Literature and conservative ideology of the 1970-s]. Moscow, 612 p. (In Russ.)
- Segal, D.M. (2006). *Literatura kak ohrannaya gramota* [Literature as safe conduct]. Moscow, 974 p. (In Russ.)
- Cvetova, N.S. (2011). *Eskhatologicheskaya topika v russkoj tradicijnoj proze vtoroj poloviny XX — nachala XXI vv.* [Eschatological topic in Russian traditional prose of the second half of the 20th — early 21st centuries] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Arhangelsk, 47 p. (In Russ.)
- Chernyak, M.A., & Sargsyan, M.A. (2020). *Metaprozaischeskie strategii v sovremennoj proze* [Metafictional strategies in modern prose]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*, 12(2), 130–138. (In Russ.)